

Корякина А. Ф. Якутский и долганский эпосы о богатырях с лошадиным происхождением: общность и отличия / А. Ф. Корякина, С. Д. Львова // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 138—151. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-138-151.

Koryakina, A. F., Lvova, S. D. (2019). Yakut and Dolgan Epics about Heroes with a Horse Origin: Commonality and Differences. *Nauchnyi dialog*, 12: 138-151. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-138-151. (In Russ.).

УДК 398.2(=512.1)+82-13

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-138-151

ЯКУТСКИЙ И ДОЛГАНСКИЙ ЭПОСЫ О БОГАТЫРЯХ С ЛОШАДИНЫМ ПРОИСХОЖДЕНИЕМ: ОБЩНОСТЬ И ОТЛИЧИЯ¹

© **Корякина Антонина Федоровна (2019)**, orcid.org/0000-0002-6965-0699, кандидат педагогических наук, заведующий сектором «Текстология олонхо» Научно-исследовательского института Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск, Россия), aitalilen@mail.ru.

© **Львова Сахая Даниловна (2019)**, orcid.org/0000-0003-1311-8609, ResearcherID Y-2653-2019, SPIN 4610-8584, магистр филологии, заведующий сектором «Информационная система Олонхо» Научно-исследовательского института Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск, Россия), lvovasd85@gmail.com.

Представлены результаты сравнительного анализа текстов якутского и долганского эпосов об одиноких богатырях с лошадиным происхождением. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью изучения двух родственных эпосов в сравнительном аспекте с целью выявления в них общности и своеобразия. Особое внимание уделяется сопоставлению тематики, образной системы и сюжетно-композиционной структуры эпосов. Приводится подробный анализ сюжетных компонентов и эпических мотивов. В результате исследования обнаружены сходство в развитии главной сюжетной линии, аналогичность основных мотивов, также отмечается близость образов богатырей по их предназначению, физическим способностям и характеру. Рассматривается расхождение в сюжетно-композиционной структуре эпосов — присутствие дополнительного звена развития сюжета в якутском олонхо. Выделены мотивы наречения героя, назначения коня, выезда в боевой поход и чудесной женитбы. Высказывается предположение о том, что эпос о богатыре с лошадиным происхождением, имеющий свои истоки в древнем якутском мифе о лошади-первопредке, первоначально бытовал в центральном регионе Якутии, а далее получил распространение среди северного населения, в том числе долганского народа.

Ключевые слова: эпос; якутское олонхо; долганское олонго; сравнительный анализ; образы; сюжет; мотивы; лошадиное происхождение богатыря.

1. Введение

Архаичность долганского эпоса, его генетическая связь с якутским олонхо являются неоспоримыми фактами. Считается, что долганские *олонго* «генетически и содержательно восходят к якутским олонхо, но, однажды оторвавшись от своих корней и попав на новую почву, они так и застыли в своем первоначальном виде» [Ефремов, 1984, с. 39]. А якутский эпос в процессе развития в более благоприятном социокультурном пространстве, а также благодаря исключительному импровизаци-

1 *Благодарности*: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-412-140013 р а.

торскому мастерству олонхосутов продолжал совершенствоваться [Илларионов, 2016, с. 197—199]. В результате этого долганское *олонгко* является уникальным архаическим источником для изучения происхождения эпоса якутского и долганского народов. На современном этапе остаются недостаточно изученными особенности связи этих двух эпосов, степень их взаимовлияния на уровне образов, сюжета и мотивов. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить сходство и особенности якутского и долганского эпосов о богатырях с лошадиным происхождением.

Согласно исследованиям фольклористов, в основу сюжетной темы эпоса о богатыре — сыне лошади лег миф о том, что «сначала бог сотворил коня, а от него произошел полуконь-получеловек, а уж от последнего родился человек» [Серошевский, 1993, с. 253]. Миф был записан в одном из улусов Центральной Якутии, и там же были распространены варианты *олонхо* о богатыре с лошадиным происхождением [Долганский фольклор, 1937, с. 188—208]. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: изучить историю записи и исследования долганского *олонгко*, сравнить тематику, образную систему и сюжетно-композиционную структуру якутского и долганского эпосов. Результаты исследования могут привести к выявлению связей, установлению возможных взаимовлияний якутского и долганского эпосов.

Материалом нашего исследования послужили издания эпических текстов: якутского олонхо «Сын лошади Богатырь Дыбырай», записанного в 1939 году, и долганского олонгко «Сын лошади Аталामी-богатырь», записанного в 1931 году Якутское олонхо записано со слов И. И. Бурнашева-Тонг Суоруна, сказителя из Тарагайского наслега Мегино-Кангаласского района Республики Саха (Якутия), и представляет центральную сказительскую традицию якутов. Долганское олонгко записано со слов сказителя из Таймырского национального округа Восточно-Сибирского (ныне Красноярского) края П. Аксенова и принадлежит сказительской традиции долганского народа.

Теоретической и методологической основой исследования послужили труды исследователей-фольклористов А. А. Попова [Долганский фольклор, 1937], Н. А. Алексеева и П. Е. Ефремова [Алексеев и др., 2000], Н. В. Емельянова [Емельянов, 1980], В. И. Пухова [Пухов, 1962; Пухов, 2004], Г. У. Эргиса [Эргис, 1974], А. А. Бурыкина [Бурыкин, 2017], Е. Н. Кузьминой [Кузьмина, 2005, с. 8—10], В. В. Илларионова [Илларионов, 2016], А. Е. Захаровой [Захарова, 2013], Р. Н. Анисимова, Р. В. Корякиной [Анисимов и др., 2019].

В исследовании применялись сравнительно-сопоставительный и структуральный методы, семантический анализ и метод обзора. Основной единицей исследования выбран мотив, «единица, которой оперирует устная традиция», «элемент художественного мышления в фольклоре» [Неклюдов, 1984, с. 224].

2. Из истории записи и исследования долганского *олонгко*

Первую фиксацию долганского эпоса произвел в 1902 году П. Е. Островских. Это был отрывок долганского олонгко «Эр Соготох», записанный со слов затундринского крестьянина А. М. Попова. В 1930—1931 годах этнограф А. А. По-

пов записал три полных текста олонгко долган: «Отважный Окуолай», «Брат и сестра», «Сын лошади Аталамии-богатырь». В 1938—1939 годах участники Северной экспедиции Наркомпроса РСФСР Б. О. Долгих и М. С. Струлев изучили фольклор северных якутов и долган. В фонде Б. О. Долгих ученым-фольклористом П. Е. Ефремовым были обнаружены краткие сюжеты якутских и долганских эпосов на русском языке: «Москолдой-богатырь», «Девушка-богатырь», «Эр Соготох», «Караккан тойон», «Чонкоратай-богатырь», «Бурудулан-богатырь» и др.

В 1964 и 1968 годах П. Е. Ефремов во время экспедиций в Ессей и на Таймыр выполнил записи первой части олонгко «Отгоной-богатырь», начало олонгко «Богатырь Железный Лежень», полный текст олонгко «Три сестры», «Тойон Джолдо». Хотя и записанных олонгко немного в количественном отношении, отметим, что во всех записях сохранена специфика эпического слова долганского олонгко, по которым можно судить о его особенностях.

Первым исследователем, основательно изучившим долганский фольклор, стал А. А. Попов. Во время экспедиций в 1930-е годы он застал живое бытование долганского олонгко, и ему удалось собрать ценный эпический материал от самих сказителей. Он одним из первых перевел образцы долганского фольклора. В 1937 году им был подготовлен и опубликован сборник «Долганский фольклор». Часть из его неопубликованного архивного материала по долганскому фольклору вошла в том «Фольклор долган» академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», вышедший в 2000 году.

В изучение долганского эпоса значительный вклад внес П. Е. Ефремов, который, активно участвуя в экспедиционной работе, с 1963 года объездил почти весь север Якутии. Им изучен героический эпос северных якутов и долган Таймырского национального округа Красноярского края. По собранным материалам исследователь написал монографию «Долганское олонхо», которую издал в 1984 году [Ефремов, 1984]. Выбрав предметом исследования этнолокальные традиции долганского олонгко, на основе изучения особенностей сказительской традиции, сюжетно-композиционной структуры, системы образов сказаний ученый установил архаичность долганского эпоса. Большой заслугой П. Е. Ефремова была подготовка им основной части тома «Фольклор долган» для серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Он первым отметил то, что олонгко долган, как и эпос северных якутов, по содержанию, сюжетно-композиционному строю, по изобразительным средствам весьма близок к центрально-якутским эпосам [Ефремов, 1984, с. 32].

Н. В. Емельяновым были описаны сюжеты долганских олонгко «Сын лошади Аталамии-богатырь», «Эр Соготох», «Отважный Окуолай» и включены в монографию о сюжетах якутских олонхо [Емельянов, 1980]. Олонгко «Сын лошади Аталамии-богатырь» был отнесен им к ранним типам олонхо о заселении Среднего мира отверженными потомками верхних божеств [Емельянов, 1980, с. 38].

Ограниченность материала и поздние по времени записи текстов затруднили дальнейшее исследование долганского фольклора, в частности олонгко. Из исследователей последних лет А. Е. Захарова провела сравнительное изучение мифо-

логических и сказочных мотивов, являющихся общими в сказочном и эпическом фонде многих народов Сибири [Захарова, 2013]. Проанализировав отражение в эпосах мотива происхождения от лошади, исследователь приходит к выводу, что наиболее архаическим вариантом является «растительное зачатие» в долганском сюжете [Захарова, 2013, с. 185].

Кроме того, в долганском олонгко отмечается минимальное количество героев эпоса и их сюжетных ролей. В текстах отсутствует и этническая идентичность героев: в случае антропоморфности противоборствующих героев «свои» и «чужие» даже в поединках никак не противопоставляются по социальной или этнической принадлежности. По мнению А. А. Бурыкина, такая трактовка социальной реальности, делающая ее малозначимой для повествования, является важным свойством архаического эпоса [Бурыкин, 2017, с. 10].

Таким образом, исследователями доказана генетическая связь долганского олонгко с якутским эпосом, выявлена его архаичность, изучена самобытность.

3. Тематика, образная система и сюжетно-композиционная структура якутского и долганского эпосов

Образы богатырей. Переходя непосредственно к сравнительному анализу текстов эпосов, сразу отметим, что их объемы разительно отличаются: якутское олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» состоит из 6687 стихотворных строк, разбитых на 165 однотипных синтагм, а долганское олонгко «Сын лошади Аталामी-богатырь» разбит на 53 однотипные синтагмы. Этим подтверждается точность вывода П. Е. Ефремова о долганском эпосе: «Если судить по записанным образцам, они сравнительно кратки, ограничиваются описанием подвигов одного поколения и редко двух-трех поколений» [Ефремов, 1984, с. 32]. Но определяющую роль, на наш взгляд, здесь играет стиль изложения долганского олонгко, избегающий поэтических описаний и детализаций: для него не имеет значения, как выглядит богатырь, каковы черты его лица, во что он одет, а важнее то, как будут развиваться дальнейшие события.

Такой особенностью долганского эпоса и обусловлено отсутствие портрета, описания внешности Аталामी-богатыря. Якутский же сказитель красоту, мощь внешнего вида богатыря Дыырая описывает красочно, с упоением, с использованием различных эпитетов, метафор, сравнений. Например: *Как витые кольца уздечки, / Сверкают очи большие, / Как пышный хвост / Глухаря-косача, / Кудрявые волосы, / Хвостом теретки / Вьются виски крутые...* [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 206].

Герои долганского и якутского эпосов традиционно выступают защитниками племени айыы (людей) от посягательств племён абаасы (чудовищ, жителей Нижнего мира) и спасают свою невесту от домогательств богатыря Нижнего мира. Каждый из них является человеком, обладающим невероятной мощью и колдовскими способностями. Не чужды им и такие человеческие слабости, как тщеславие, бахвальство. В обоих текстах эпосов перед схваткой с богатырем Нижнего мира происходит перебранка, в которой герой подробно восхваляет свои силы и способности.

Сражения богатырей двух миров в долганском олонгко, в отличие от якутского олонхо, описываются коротко, без красочных деталей. Но для обоих эпосов характерно указание на продолжительность битвы богатырей: в якутском олонхо они бьются месяц, в конце второго месяца Дыырай побеждает противника, а Аталами-богатырь сражает врага «на исходе трижды девяти лет» [Сын лошади Аталами-богатырь, 2000, с. 77]. Оба богатыря в жесточайшем сражении одерживают победу над богатырем абаасы. Как в архаических олонхо, богатыри со своими побежденными врагами расправляются жестоко. Богатырь Дыырай *главную аорту его / Шумно порвал, / Мозг спинной порвал <...> / Сердце и печень его вытащил через рот* [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 196]. Аталами-богатырь бросает поверженного врага в сторону огня: *на глубину трижды девяти саженой бросил, мерзлую землю насквозь пробив* [Сын лошади Аталами-богатырь, 2000, с. 79].

Таким образом, богатыри якутского и долганского эпосов имеют схожие черты по своему предназначению и натуре: они оба являются защитниками своего племени, обладают магическими способностями, физически очень сильны, а также им свойственны бахвальство и высокомерие.

Выявлены и отличия. В долганском олонгко отсутствуют описания одежды, богатырского вооружения и доспехов, что является контрастом к якутскому эпосу, где эти описания являются типическими местами и имеют формульный характер. Сражение богатыря с абаасы описывается коротко, без красочных деталей, как это бывает во многих якутских олонхо.

Сюжетно-композиционная структура эпосов. Сюжетные структуры текстов обоих эпосов полные, традиционно развиваются по основной сюжетной линии. Отличие усматривается в объемах элементов сюжета, что связано, как было сказано выше, с особенностью описательных картин: якутское олонхо богато детальными описаниями, а в долганском олонгко действия развиваются стремительно, без поэтических отступлений. И это особенно ярко проявляется во вступительных частях эпосов. Так, в начале долганского олонгко повествуется, как будущая мать-кобыла главного героя в одиночку находит подходящую местность, строит там жилье и просит высших божеств подарить ей потомство. Далее описывается рождение героя и его взросление. В якутском же олонхо приводится подробное описание времени первотворения, Среднего мира, мирового древа, родины героя, его жилища и хозяйства и т. д., и подобный зачин занимает 14 % (954 строки) от общего объема текста.

Второе отличие проявляется в построении композиционной структуры олонхо. Так, структура долганского эпоса несложная, сжатая. Здесь выделяется одно основное звено — героическое сватовство богатыря. Соответственно завязкой развития сюжета становится решение богатыря отправиться повидать мир, как позже становится ясно, с целью найти себе невесту. Такое начало богатырского похода часто встречается и в якутской эпической традиции, оно выделено исследователями в качестве одного из четырёх вариантов завязки развития сюжета [Пухов, 1962, с. 61]. Развитие сюжета представляет собой встречу с родной тётёй, которая указывает ему дальнейшее направление в пути, преодоление общепринятого «тройного»

препятствия, приход в страну прекрасной девушки. Далее следует кульминация — свержение богатыря Нижнего мира, сватающегося к девушке против её воли. После сожжения убитого противника богатырь возвращается с невестой на свою родину и живет там в благоденствии. Второе звено борьбы с воскреснувшим богатырём абаасы не развивается в полной мере: кратко говорится, что борьба продолжалась очень долго и, наконец, Аталамии-богатырь безвозвратно убил абаасы. Эпилогом служит лишь одно краткое предложение о том, что Аталамии-богатырь *домой прудя, весь свой век, не нуждаясь, прожил* [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 79].

В сюжетной линии якутского олонхо выделяются два звена развития действий, каждый из которых имеет свою завязку, кульминацию и развязку. Следовательно, в олонхо раскрываются два конфликта, первичным из которых является противоборство главного героя с темными силами Нижнего мира. Причиной этому служит укрытие и спасение другого богатыря айыы от преследования абаасы, что определяется нами как завязка первого звена. С этого момента спокойная жизнь главного героя завершается, начинаются различные злоключения и препятствия.

Второй конфликт имеет внутриплеменной характер и представляет собой раздор между богатырями айыы. Спасенный соплеменник по имени Эрбэхтэй Бэргэн беспричинно оскорбляет богатыря Дыырай на почве его необычного происхождения и убегает от него. Данная завязка второго звена происходит почти сразу после завязки первого конфликта. Далее идёт развитие второго конфликта, его кульминация и завязка. Дыырай отправляется в богатырский поход, преодолевает «тройное» препятствие и прибывает в страну Эрбэхтэй Бэргэна. Родители Эрбэхтэй Бэргэна одобряют Дыырая и в знак признательности дарят ему пёстрого щенка, который, как потом выясняется, является их родной дочерью Айталы Куо. После возвращения на родину Дыырая к ним приходит другой богатырь айыы. Оказывается, Эрбэхтэй Бэргэн обещал этому богатырю выдать замуж свою сестру за калым. Кульминацией этого конфликта становится сражение двух богатырей айыы за право обладания женщиной, которое заканчивается тяжёлым ранением Дыырая и гибелью его соперника. Оживление погибшего богатыря удаганкой (шаманкой) из Верхнего мира и излечение Дыырая его невестой служат развязкой второго конфликта. Героическое сватовство главного героя и события, происходящие вокруг этого конфликта, раскрывают одну из главных идей олонхо — женитьбу богатыря на женщине, заранее предначертанной судьбой.

По завершении второго звена развития событий сюжет якутского олонхо возвращается к продолжению первого, основного конфликта — противоборства с племенами абаасы. Как только прекрасная Айталы Куо осознает свое предназначение, принимает Дыырая как будущего мужа, её похищает богатырь абаасы Тимир Нуоралджын. Дыырай второй раз отправляется в путь, преодолевает препятствия и прибывает в логово похитителя. На этот раз сражение как таковое не происходит, так как могучий богатырь Нижнего мира считается бессмертным. В кульминации сюжета ключевая роль отводится женщине: Айталы Куо берет си-

туацию в свои руки, велит Дыыраю превратиться в заостренный кол и при возвращении богатыря Нижнего мира хитростью убеждает его повторять заговорные слова за ней и бросить кол вертикально вверх. Развязкой становится падение заговоренного кола на богатыря абаасы и его смерть.

Олонхо завершается традиционным возвращением на родину и устройством семейного очага. Но и здесь усматривается своеобразное преобладание ролевой функции женщины: в пути домой Айталы Куо летит как вожатая, а Дыырай за ней. По прибытию Айталы Куо обращается с просьбой принять и оберегать её к каждому духу по отдельности — духу земли, огня, жилища, леса и др. То, что главным, доминирующим лицом в кульминации, развязке и завязке сюжета становится женщина, является одним из особенностей данного олонхо.

Таким образом, расхождение в сюжетно-композиционной структуре эпосов рассматривается в дополнительном звене развития сюжета в якутском олонхо — конфликте между соплеменниками. Это дополнение оценивается нами как встроенный второстепенный сюжет на определенном этапе сюжетно-композиционной трансформации якутского олонхо о богатыре лошадиного происхождения.

Мотивы. В отличие от многих традиционных олонхо, оба эпоса не начинаются с создания Всевышним Среднего мира, заселения его племенами айыы и назначения богатырей защитниками племени айыы от нашествий племён абаасы. В обоих эпосах повествуется об одинокой лошади, живущей в Среднем мире и не знающей своего происхождения. Дыырай, находясь в утробе матери, которая была младшей дочерью высшего божества Юрюнг Айыы Тойона, сильно взбрыкнул ногой, когда та несла кубок-чорон с кумысом (священный молочный напиток верхних божеств). Напиток расплескался на одну четверть — и в этот год погибло много телят, жеребят и новорожденных детей. За принесенную мальчиком беду шаманы вызвали у матери преждевременные роды и поселили недоношенного ребенка в Среднем мире, чтобы он стал там родоначальником людей [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 254—257]. В долганском олонгоко мать Аталамии-богатыря задается вопросом о своём предназначении, о том, как ей дальше жить. Она обращается к божеству-создателю Юрюнг Айыы с просьбой послать «беспечальную, надежную судьбу» [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 49]. И вот через некоторое время она съедает волшебную траву и беременеет. Когда время подходит, она рождает человеческое дитя. Далее чудеснорожденный будущий богатырь растет фантастически. Таким образом, общим для обоих эпосов является мотив чудесного рождения богатыря.

Образ богатырского коня как в якутском, так и в долганском эпосах аналогичен образу коня в эпосе тюрко-монгольских народов. Богатырский конь — покровитель, помощник в борьбе, мудрый и вещий советчик [Липец, 1984, с. 5]. Мотив назначения богатырю коня в обоих эпосах присутствует, но содержание отличается: богатырю якутского олонхо коня спускают сверху, долганский богатырь приобретает коня по совету матери, содрав с неё шкуру, которая под седоком превращается в богатырского коня.

В обоих эпосах богатыри женятся чудесным образом. За спасение сына пожилые жители другой страны дарят Дыыраю щенка, который дома у богатыря превращается в девушку. Увидев, как щенок скинул шенячью шкуру и стал вмиг женщиной изумительной красоты, богатырь Дыырай задался вопросом: *Как бы мне заставить её вернуться в человеческий облик навсегда?* [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 283]. Он неожиданно хватает шкуру и бросает в огонь.

В долганском олонгко описание женитьбы богатыря опирается на сказочный мотив северных народов: женой Аталамии-богатыря становится одна из семи сестер-стерхов. Застав купающихся в озере с золотым берегом семь стерхов, Аталамии-богатырь, подумав: «Эта ли самой лучшей одежда», — перебрав, одежду одной из них положил в свой карман [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 29].

Далее мотивы двух эпосов, часть которых была описана в предыдущих разделах, представляем в виде сравнительной таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Мотивы якутского и долганского эпосов [Motifs of Yakut and Dolgan epics]

Мотивы	Сын лошади Богатырь Дыырай	Сын лошади Аталамии-богатырь
Время перво-творения	«На хребте суматошных веков, / На спине сражений годин, / На рубеже разрушительных лет...» [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 189].	Отсутствует
Мировое древо	Священное древо Аал Луук, в котором обитает Богиня-покровительница Земли [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 193—203].	Отсутствует
Страна богатыря	Вокруг священного дерева раскинулась благодатная долина... [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 189—203].	Кобыла находит сгнившие остатки жилища человека и решает устроить жилье [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 49].
Жилье богатыря	Все построено и выглядит, будто сами божества помогли при стройке [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 203—206].	Кобыла находит топор и восстанавливает старое жилище [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 49].
Владения богатыря	Несметное богатство, казна и скот [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 212].	Отсутствует
Коновязь	Имеет девять больших столбовоконовязей [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 203].	Отсутствует

Продолжение табл. 1

Мотивы	Сын лошади Богатырь Дыырай	Сын лошади Аталамии-богатырь
Чудесное по- явление	Матерью была младшая дочь высшего божества Юрюнг Айыы Тойона. Когда женщина несла кубок, ребенок сильно забил ногами в лоне матери и сплеснул ритуальный священный напиток. Из-за этого перестали плодиться табуны, женщины перестали рожать детей. Юрюнг Айыы Тойон повелел досрочно разродить дочь и исторгнуть недоноска за провинность в Средний мир [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 254—257].	В Средний мир был спущен конь, который женился на женщине <i>айыы</i> , и от неё родились две кобылы, которые сразу разошлись в разные стороны [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 51]. Одна из них, построив дом, стала упрашивать ребенка у Юрюнг Айыы. Она съела девятисуставную хвош-траву и забеременела, а затем родила человеческое дитя [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 49—50].
Облик бога- тыря	Подробно изображается внешний вид красивого, могучего богатыря [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 206—207].	Отсутствует
Одевание, сна- ряжение	Детально описываются копыя, мечи и палица [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 207—209].	Отсутствует
Одиночество богатыря	Отца и мать от роду не видел. Нет жены, родственников и слуг [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 211].	Кобыла вырастила сына одна. Повзрослев, сын стал молчаливым, перестал есть... [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 51—53].
Наречение бо- гатыря	Героя никто не нарекает: « <i>Ездящий на вороном / Говорящем жеребёнке / Сын лошади Богатырь Дыырай — / Таково его знаменитое / Имя высокое...</i> » [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 210].	Герой просит у матери наречь его именем, на что та отвечает: «Сыном лошади Аталамии-богатырем будь» [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 53].
Назначение коня	Герой спрашивает коня у божества конного скота, и с Верхнего мира спускается могучий богатырский конь [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 239—243].	Герой садится верхом на содранную с матери-кобылы шкуру, стегает её, и пустая шкура превращается в коня [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 55].

Продолжение табл. 1

Мотивы	Сын лошади Богатырь Дыбырай	Сын лошади Аталамии-богатырь
Мотивировка выезда богатыря из дома	К герою приезжает другой богатырь и умоляет защитить от страшного богатыря <i>абаасы</i> . Тот решает спасти соплеменника, так как дать его истерзать — будет грехом [Сын лошади Богатырь Дыбырай, 2013, с. 215—219].	Герой решает ехать состязаться с девушкой, которой люди всего света уступают в волшебстве, и она живёт на верху трёх небес во вращающемся на петельках доме [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 57].
Бахвальство героя	«... Толстую шкуру твою раздери лезвием, / Потоком пролью / Черную, как смоль, кровь, <...> / Пепел твой развею со смехом, / Очаг твой играючи потушу...» [Сын лошади Богатырь Дыбырай, 2013, с. 226—227].	«...Удалство именитого человека узнать время настало, / Сильного человека увидить время пришло. / Ну, испытай свою силу первым» [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 77].
Чудесные превращения	Чтобы следить за чудным щенком, герой превращается сначала в слепня, потом в муху [Сын лошади Богатырь Дыбырай, 2013, с. 281—284].	Чтобы спасти девушку, Аталамии принимает её облик, от красоты которой меркнет солнце [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 71].
Продолжительность битвы	«К тому времени уже / <u>Шестьдесят дней двух месяцев / Истекло с начала драки</u> » [Сын лошади Богатырь Дыбырай, 2013, с. 227—230].	« <u>На исходе трижды девяти лет</u> Сын лошади Аталамии-богатырь <i>абаасы</i> в сторону огня бросил...» [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 77—79].
Жестокая расправа	«Главную аорту его / Шумно порвал, / Мозг спинной порвал, <...> / Сердце и печень его / Вытащил через рот» [Сын лошади Богатырь Дыбырай, 2013, с. 231].	«Белую стантовую жилу ему разорвал, грудь ногой продавил, <...> домой приволок. Голову положил на вершину каменного мыса» [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 79].
Чудесная женитьба	В благодарность за спасение герою дарят щенка. Позднее он узнаёт, что щенок снимает шкуру и превращается в прекрасную девушку. Богатырь влюбляется в неё и сжигает шкуру [Сын лошади Богатырь Дыбырай, 2013, с. 275—285].	Герой видит семь стерхов, которые превращаются в девушек и купаются. Он похищает одежду лучшей из них. Девушку поднимают её подруги и все улетают [Сын лошади Аталамии-богатырь, 2000, с. 59—61]. Позднее к этой девушке сватается чудовище, и богатырь спасает её.

Окончание табл. 1

Мотивы	Сын лошади Богатырь Дыырай	Сын лошади Аталамии-богатырь
Облик суженой богатыря	«... Сквозь тело белеют кости, / Сквозь кости слегка волнуется / Костный мозг — так она прелестна...» [Сын лошади Богатырь Дыырай, 2013, с. 281].	Отсутствует

Как видно из таблицы, общими для обоих олонхо являются мотивы чудесного рождения и одиночества богатырей, их бахвальства, чудесных превращений, сражения с представителем абаасы, жестокой расправы над противником-богатырём и присутствие сказочного мотива в чудесной женитьбе богатырей. Также обнаруживается близость образа богатырского коня в обоих эпосах аналогичному образу в эпосе тюрко-монгольских народов: конь предстает предком, покровителем, помощником в борьбе, мудрым и вещим советчиком. Мотив назначения богатырю коня в обоих эпосах присутствует, но содержание отличается: богатырю якутского олонхо коня спускают сверху. Долганский богатырь приобретает коня по совету матери, содрав с неё кожу. Отличны мотивировка выезда в боевой поход, богатырские снаряжения, наречение героя.

4. Заключение

Проведя сравнительное изучение текстов якутского олонхо и долганского олонго, мы пришли к выводу о том, что родиной этого эпоса является центральная часть Якутии. По всей вероятности, в основу сюжета якутского олонхо лёг миф о сыне лошади, который был распространён на территории Центральной Якутии. Благодаря талантливым сказителям это олонхо, бытовавшее в районах центрального региона, распространилось и среди северных народов, став одним из вариантов олонхо об одиноком богатыре лошадиного происхождения. Сохранение древнейшего якутского мифа о лошади-первопредке в эпосе родственного по языку и этническому самосознанию долганского народа вполне естественно. Это также подтверждается установленными сходствами в развитии основной сюжетной линии, аналогичностью мотивов (чудесное рождение и одиночество богатырей, оборотничество персонажей, сражения с представителем абаасы (чудовищ), жестокая расправа над противником, сказочный мотив в женитьбе богатырей и др.), также близостью образов богатырей: они оба являются защитниками племен айыы (людей), физически сильны, для них характерны самовосхваление, жестокость по отношению к врагам и т. д.

Во-вторых, обнаружено влияние среды бытования фольклорного произведения на неповторимость эпических мотивов. В якутском олонхо щенок, подаренный богатырю Дыыраю, в действительности оказывается женщиной, которая впоследствии становится женой героя. В долганском олонго женой Аталамии-богатыря становится девушка, спасенная из плена чудовища — одна из семи сестёр-стер-

хов. Возможно, ранний мотив превращения невесты богатыря в щенка, бытовавший в эпосах центральной части Якутии, в долганском олонго был заменен под влиянием северного сказочного мотива о превращении стерха в прекрасную деву. Также подтверждаются утверждения исследователей о самобытности долганского олонго, проявляющейся в краткости объема, минимальном количестве героев, простоте описаний. Таким образом, переняв сюжет якутского олонхо, долганский эпос впитал в себя своеобразие поэтики самобытного северного фольклора и обрел свою индивидуальную неповторимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н. А. Фольклор долган / Н. А. Алексеев, П. Е. Ефремов // Фольклор долган / сост. П. Е. Ефремов. — Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2000. — С. 11—27.
2. Анисимов Р. Н. Взаимодействия олонхо северных якутов и фольклора эвенков и эвенов / Р. Н. Анисимов, Р. В. Корякина // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. — 2019. — № 1 (13). — С. 111—123. — DOI : 10.25587/SVFU.2019.13.27694.
3. Бурькин А. А. К типологической характеристике ранних форм эпоса : по материалам северотунгусских народов / А. А. Бурькин // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. — 2017. — № 4 (08). — С. 5—16. — DOI : 10.25587/SVFU.2017.4.8491.
4. Долганский фольклор / вступ. ст., тексты и переводы А. А. Попова. — Москва : Советский писатель, 1937. — 258 с.
5. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, 1980. — 372 с.
6. Ефремов П. Е. Долганское олонхо / П. Е. Ефремов. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1984. — 120 с.
7. Захарова А. Е. О мифологических и сказочных мотивах в долганском олонхо «Сын лошади Аталамии-богатырь» / А. Е. Захарова // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2013. — № 11 (30). — С. 182—187.
8. Илларионов В. В. Эпическое наследие народа саха / В. В. Илларионов. — Новосибирск : Наука, 2016. — 344 с.
9. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов) / Е. Н. Кузьмина. — Новосибирск : СО РАН, 2005. — 1383 с.
10. Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе / Р. С. Липец. — Москва : Наука, 1984. — 264 с.
11. Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов / С. Ю. Неклюдов // Фольклор и этнография : у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов : сборник научных трудов / под ред. Б. Н. Путилова. — Ленинград : Наука, 1984. — С. 221—229.
12. Пухов И. В. Фольклорные связи народов Севера (эпические жанры эвенков и якутов) / И. В. Пухов // Якутский героический эпос олонхо : публикация, перевод, теория, типология : избранные статьи. — Якутск : СО РАН, Якутский филиал, 2004. — С. 152—174.

13. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо : основные образы / И. В. Пухов. — Москва : Наука, 1962. — 256 с.
14. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — Москва : Московская типография № 2, 1993. — 736 с.
15. Сын лошади Аталамии-богатырь: героический эпос [записала А. А. Попова со слов П. Аксенова] // Фольклор долган / сост. П. Е. Ефремов. — Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2000. — С. 49—79.
16. Сын лошади Богатырь Дыырай : олонхо / [записал Г. У. Эргис со слов И. И. Бурнашева; пер. Е. С. Сидорова]. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. — 376 с.
17. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис. — Москва : Наука, 1974. — 404 с.

YAKUT AND DOLGAN EPICS ABOUT HEROES WITH A HORSE ORIGIN: COMMONALITY AND DIFFERENCES¹

© Antonina F. Koryakina (2019), orcid.org/0000-0002-6965-0699, PhD in Pedagogy, Head of the “Olonkho Textology” Sector, Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Yakutsk, Russia), aitalilen@mail.ru.

© Sakhaya D. Lvova (2019), orcid.org/0000-0003-1311-8609, ResearcherID Y-2653-2019, SPIN 4610-8584, Master in Philology, Head of the “Olonkho Information System” Sector, Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Yakutsk, Russia), lvovasd85@gmail.com.

The results of a comparative analysis of the texts of the Yakut and Dolgan epics about lone heroes with a horse origin are presented. The relevance of the study is due to the inadequacy of the study of two related epics in a comparative aspect in order to identify commonality and originality in them. Particular attention is paid to comparing the themes, the imagery system and the plot-compositional structure of epics. A detailed analysis of plot components and epic motifs is given. As a result of the study, similarities were found in the development of the main storyline, the similarity of the main motifs, the similarity of the images of the heroes in their purpose, physical abilities and character is also noted. The discrepancy in the plot-compositional structure of epics - the presence of an additional link in the development of the plot in the Yakut olonkho is considered. The motifs of nominating a hero, consigning a horse, going on a military campaign and a wonderful marriage are highlighted. It is suggested that the epic about a hero with a horse origin, having its origins in the ancient Yakut myth of the ancestor horse, originally existed in the central region of Yakutia, and then became widespread among the northern population, including the Dolgan people.

Key words: epic; Yakut olonkho; Dolgan Olongko; comparative analysis; images; plot; motifs; horse origin of the hero.

REFERENCES

- Alekseev, N. A., Efremov, P. E. (2000). Folklor dolgan. In: *Folklor dolgan*. Novosibirsk: Institut arkhologii i etnografii SO RAN. 11—27. (In Russ.).
- Anisimov, R. N., Koryakina, R. V. (2019). Vzaimodeystviya olonkho severnykh yakutov i folkloru evenkov i evenov. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo uni-*

¹ *Acknowledgments:* The study was carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research in the framework of a scientific project № 18-412-140013 p a.

- versiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedeniye, 1 (13): 111—123. DOI: 10.25587/SVFU.2019.13.27694. (In Russ.).*
- Burykin, A. A. (2017). K tipologicheskoy kharakteristike rannikh form eposa: po materialam severotungusskikh narodov. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedeniye, 4 (08): 5—16. DOI: 10.25587/SVFU.2017.4.8491. (In Russ.).*
- Efremov, P. E. (1984). *Dolganskoye olonkho*. Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Emelyanov, N. V. (1980). *Syuzhety yakutskikh olonkho*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Ergis, G. U. (1974). *Ocherki po yakutskomu folklore*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Illarionov, V. V. (2016). *Epicheskoye naslediyе naroda sakha*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Kuzmina, E. N. (2005). *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov)*. Novosibirsk: SO RAN. (In Russ.).
- Lipets, R. S. (1984). *Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongolskom epose*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. (1984). O nekotorykh aspektakh issledovaniya folklornykh motivov. In: Putilov, B. N. (ed.). *Folklor i etnografiya: u etnograficheskikh istokov folklornykh syuzhetov i obrazov: sbornik nauchnykh trudov*. Leningrad: Nauka. 221—229. (In Russ.).
- Popova, A. A. (ed.). (1937). *Dolganskiy folklore*. Moskva: Sovetskiy pisatel'. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (1962). *Yakutskiy geroicheskiy epos olonkho: osnovnyye obrazy*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (2004). Folklornyye svyazi narodov Severa (epicheskiye zhanry evenkov i yakutov). In: *Yakutskiy geroicheskiy epos olonkho: publikatsiya, perevod, teoriya, tipologiya: izbrannye stat'i*. Yakutsk: SO RAN, Yakutskiy filial. 152—174. (In Russ.).
- Seroshevskiy, V. L. (1993). *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya*. Moskva: Moskovskaya tipografiya № 2. (In Russ.).
- Syn loshadi Atalamii-bogatyr': geroicheskiy epos. (2000). In: Efremov, P. E. (ed.). *Folklor dolgan*. Novosibirsk: Institut arkhologii i etnografii SO RAN. 49—79. (In Russ.).
- Syn loshadi Bogatyr' Dyyray: olonkho*. (2013). Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. (In Russ.).
- Zakharova, A. E. (2013). O mifologicheskikh i skazochnykh motivakh v dolganskom olonkho «Syn loshadi Atalamii-bogatyr'». *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologii, 11 (30): 182—187. (In Russ.).*